Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 31–41.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 31–41.

Научная статья
УДК 316.334.56
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

"Виртуальная "Шанхайка" в общежитии": WeChat в конструировании инфраструктуры образовательных мигрантов

Константин Вадимович Григоричев
Иркутский государственный университет;
Федеральный исследовательский центр "Иркутский институт химии" СО РАН,
Иркутск, Россия, grigoritchev@yandex.ru
Юлия Валерьевна Елохина
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, julflower@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование китайского мессенджера WeChat как механизма конструирования мигрантской инфраструктуры студентами из КНР. Показывается, что мессенджер становится не только инструментом коммуникации для китайских студентов российского вуза, но и базой для разветвлённой инфраструктуры: организации питания, торговли, развлечений, в том числе и нелегальных. Через сопоставление с результатами предшествующих исследований "китайских" рынков делается вывод о типологическом сходстве создаваемой инфраструктуры на основе WeChat и экосистем "этнических" рынков, существовавших на протяжении 1990–2010-х гг. Однако, если "китайские" рынки представляли собой конвенциональные локальности контакта с Другим в физическом пространстве города, где преимущественно и концентрировалась соответствующая инфраструктура, то использование интернет-мессенджера принципиально меняет конструкцию. Последняя формируется по распределённой модели, а точкой её сборки становится не место в физическом пространстве, а виртуальная площадка мессенджера WeChat.
Ключевые слова: *мигрантская инфраструктура, китайские студенты, мессенджер WeChat, "китайский" рынок, место, цифровизация*
Для цитирования: Григоричев К. В., Елохина Ю. В. "Виртуальная "Шанхайка" в общежитии": WeChat в конструировании инфраструктуры образовательных мигрантов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 31–41. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

"Virtual 'Shanghaika' in the dormitory": WeChat in the construction of educational migrants' infrastructure

Konstantin V. Grigorichev
Irkutsk State University;
Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry", Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru
Yulia V. Elokhina
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, julflower@yandex.ru

Abstract. The article examines the use of the Chinese messenger WeChat as a mechanism of constructing migrant infrastructure by students from the PRC. Authors argue that the messenger becomes not only a communication tool for Chinese students of Russian universities, but also a base for an extensive infrastructure: organization of delivery food service, trade, entertainment, including illegal ones. By comparison with the results of previous studies of "Chinese" markets, we conclude that the infrastructure based on WeChat is typologically similar to the ecosystems of "ethnic" markets that existed during the 1990–2010s. However, if the "Chinese" markets represented conventional locales of contact with the "Other" in the physical space of the city, where the corresponding infrastructure was mainly concentrated, the use of Internet messenger fundamentally changes the construction. New digital way assumes a distributed model of infrastructure, and the point of its assembly is not a place in physical space, but the virtual site of the WeChat messenger.
Key words: *migrant infrastructure, Chinese students, WeChat, "Chinese" market, place, digitalization*
For citation: Grigorichev K. V., Elokhina Yu. V. "Virtual 'Shanghaika' in the dormitory": WeChat in the construction of educational migrants' infrastructure // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 31–41. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/31-41

Введение

Поворот к изучению мобильности, связанный с идеями М. Шеллера и Дж. Урри **[18; 36]**, обусловил всё возрастающий интерес к исследованию миграционной и мигрантской инфраструктуры **[25]**. Отечественными исследователями наиболее пристально рассматривались вопросы создания мигрантской инфраструктуры для адаптации в местах пребывания и работы – расселения **[1; 5]**, здравоохранения **[24; 27]**, образования **[2]** и ряд других. Для сибирских городов наиболее разработанными объектами исследования мигрантской инфраструктуры можно, без сомнения, определить "этнические рынки" **[22]**. В более широком смысле, в фокусе исследователей оказывается сложный многофакторный процесс, который Н. Глик-Шиллер с соавторами определили как "производство города" **[23]**. Однако в последние годы эти примечательные

© Григоричев К. В., Елохина Ю. В., 2024

объекты мигрантской инфраструктуры всё более уходят из городского пространства, частью абсорбируясь как элемент культуры переселенческого общества **[14]**, частью утрачивая специфические пространственные формы **[6]**.

Говоря о миграционной и мигрантской инфраструктуре, мы понимаем её вслед за Б. Сянь и Дж. Лингвистом как систематически взаимосвязанные технологии, институты и акторов **[38]**. Такой подход предполагает, что помимо материальных объектов, институтов и акторов, инфраструктура формируется и цифровыми технологиями **[25]**, неотъемлемой частью которых являются средства коммуникации (мессенджеры, цифровые платформы и т. п.). Наиболее очевидными сферами миграции, где цифровые технологии стали значимыми элементами инфраструктуры, являются вынужденные перемещения, трудовая и образовательная миграция **[34]**. Наконец, цифровые социальные медиа выступают одним из важнейших современных механизмов адаптации мигрантов в местах прибытия **[15]**, обеспечивая значимое снижение издержек на легализацию **[17]**.

Выбор конкретных цифровых инструментов в качестве элементов мигрантской инфраструктуры определяется их релевантностью по отношению к миграционным стратегиям, но в большинстве случаев определяется языком и привычностью того или иного приложения или сети **[17]**. Для мигрантов из КНР, численно преобладающих в структуре образовательной миграции в Восточной Сибири, одним из таких инструментов является мессенджер WeChat, давно ставший неотъемлемой частью повседневности китайцев, в том числе и временно или постоянно проживающих за границей **[30]**.

Как показали Н. Рыжова и Ю. Корешкова, WeChat прочно вошёл в ряд важнейших инструментов конструирования мигрантской и миграционной инфраструктуры в условиях прекарной занятости и динамично меняющегося рынка труда **[35]**. Мессенджер активно используется как механизм организации коммерческих сетей, включающих китайских туристов, студентов и других мигрантов из Китая, долгое время проживающих за границей **[31]**. При этом важнейшим компонентом этого механизма является собственная платежная система сервиса – WeChat Pay **[37]**, обеспечивающая возможность взаиморасчётов пользователей мессенджера без использования платежной системы страны пребывания. Этот китайский мессенджер становится важнейшим инструментом адаптации и для образовательных мигрантов из КНР, представляющим, однако, скорее возможности для групповой изоляционистской стратегии **[29]**, замещающим использование физического пространства города (его проживания в категориях Лефевра **[12]**) использованием социального пространства через цифровые инструменты.

Это наблюдение подводит к формулировке центрального исследовательского вопроса нашей статьи: связано ли исчезновение или как минимум снижение роли мигрантских локальностей в городе со стремительной диджитализацией миграции **[34]**. Анализируя роль WeChat как элемента цифровой инфраструктуры миграции, мы не фокусируемся на проблеме, представляющейся центральной для этой сферы – "Как цифровые технологии поддерживают и способствуют миграционным процессам?" **[34, p. 100]**. Напротив, нас интересует, каким образом мессенджер взаимодействует с другими элементами мигрантской инфраструктуры, прежде всего, вещественными и, в более широком смысле, с городским пространством. Становится ли он неким дополнением, облегчающим доступ к городу и/или мигрантской инфраструктуре, или, напротив, замещает городские локальности, которые выполняли ранее функции "точек доступа" и "точек сборки"?

В последнем вопросе мы отталкиваемся от идеи о том, что маркирование тех или иных локальностей в городе как мигрантских или этнических **[4]** (в сибирских городах этнические категории, как правило, становятся языком описания Другого вообще и мигранта в особенности **[9]**) является способом определения пространственных маргиналий, что в свою очередь переопределяет и их социальные функции. Таким образом, мигрантские локальности становятся конвенциальным пространством взаимодействия Другого и городских сообществ, в пределах которого допустимы и одобряемы социальные практики таких интеракций, стигматизируемые в иных частях города. Выход взаимодействий за пределы таких локальностей порождает ситуации оспаривания городского пространства **[7]**.

Следствием такого взгляда является ключевое положение места как части физического пространства города в системе мигрантской инфраструктуры: оно выступает не только объектом оспаривания, борьбы за право на город **[20]**, но и своего рода краеугольным камнем, вокруг которого собирается система материальных и нематериальных элементов инфраструктуры – в 1990-е гг. это наиболее отчетливо проявлялось в роли "этнических" рынков, формировавших вокруг себя развитую экосистему обслуживания миграции и мигрантов **[10].** Анализируя данные об использовании китайскими студентами возможностей WeChat как важнейшего элемента мигрантской инфраструктуры, мы попытаемся на примере нескольких кейсов сопоставить их с "экологией китайского рынка" **[10]** и проследить изменение роли *места* как элемента физического пространства города в построении инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие мигрантов с городом.

Данные и методы

Наша статья основана на длительном (более 8 лет) наблюдении за китайскими студентами иркутского вуза, имеющего одну из самых больших групп обучающихся из КНР в регионе. Среднее число китайских студентов в университете составляет около 600 человек в год, включая все специальности и курсы, а также группы довузовской подготовки ("подфак", "подготовительный факультет"), что определяет массив элементов для анализа около 1,5 тысяч единиц. Большая часть студентов являются приезжими из северо-восточных провинций КНР, что определяется, с одной стороны, географической близостью к Байкальскому региону, а с другой – относительно менее высоким уровнем жизни, детерминирующим выбор относительно недорого варианта российского высшего образования **[29]**. Основную часть составляют молодые люди в возрасте 17–25 лет, однако встречаются и более возрастные студенты, последовательно обучающиеся на "подфаке", в бакалавриате и далее в магистратуре и иногда осваивающие две или три магистерские программы. В последнем случае, образование становится механизмом легального пребывания в России для ведения бизнеса или решения личных проблем **[26]**. Таким образом, в поле наблюдателя попадают как недавние мигранты из КНР, находящиеся в Иркутске менее одного года, так и пребывающие в регионе 4–5 лет и более, что позволяет с долей условности предполагать возможность одновременного наблюдения за обеими категориями трансграничных мигрантов, стратегии которых Юн Ким определяет как краткосрочные и долгосрочные **[28]**.

Мессенджер WeChat является де-факто основным цифровым механизмом коммуникации студентов с преподавателями и администрацией вуза. Уже в процессе подачи документов для поступления в университет происходит обмен контактами в WeChat с сотрудниками международной службы. Это обусловливает, с одной стороны, значительный массив доступной информации и позволяет отказаться от выборочного наблюдения, а с другой – даёт возможность ретроспективного онлайн-наблюдения **[32]**, обеспечивающего лонгитюдное получение информации без прямого взаимодействия с наблюдаемым.

Принятие в число контактов автоматически открывает доступ к личной информации, размещаемой пользователем (китайским абитуриентом, студентом) в открытом доступе. В частности, мессенджер, являясь вариантом социальной сети, предоставляет возможность для публикации личной текстовой, фото- и видеоинформации – "моментов" (аналог "статуса" в WhatsApp, "стены" в ВКонтакте и подобных), которые выступали основными элементами эмпирической базы для нашего анализа. Данная информация открыта для всех контактов пользователя мессенджера и даёт массу сведений о местах посещения, видах деятельности, и нередко открывает чуть больше информации, чем предполагалось самим автором. Если до 2020 г. WeChat пользовались, преимущественно, сотрудники международной службы университета (прежде всего, в целях набора абитуриентов, взаимодействия с партнерами в КНР и обучающимися), то с началом пандемии WeChat стал основным способом взаимодействия с китайскими студентами и для преподавателей. Это обусловило появление достаточно большого числа "групп", в которых размещается и обсуждается информация, недоступная стороннему наблюдателю, даже нахо-

дящемуся в числе контактов пользователя (обсуждение причин непосещения занятий, неформальное "решение" дисциплинарных вопросов и т. п.).

Дополнительным эмпирическим материалом для анализа стали неформальные беседы с китайскими студентами в связи с возникающими у них проблемами проживания в общежитии, контакта с преподавателями и кураторами групп. Такие беседы не формализовывались и записывались постфактум по памяти, поэтому служат для нас лишь вспомогательными данными.

Наконец, позиции авторов обусловливают доступ к внутриуниверситетскому документообороту, в том числе служебным и докладным запискам преподавателей и сотрудников, работающих с китайскими студентами. Зачастую, такие документы позволяют взглянуть на материал (особенно в спорных ситуациях) с позиции второго участника конфликта. В ряде случаев (например, кейс 3) именно такие источники позволили более полно описать специфическую практику, лишь косвенно отражённую в данных из WeChat.

Практики построения инфраструктуры для образовательных мигрантов в WeChat

Наиболее очевидным и, как правило, первым сюжетом для публикации в "моментах" WeChat становятся точки входа в город, которые П. Штомпка определил как интерфейсы взаимодействия с ним **[21]**. Центральное место здесь занимают учреждения миграционного учёта и медицинского освидетельствования мигрантов, элементы транспортной инфраструктуры и, безусловно, достопримечательности, символизирующие конкретный город. При всей фактурности таких публикаций, мы не будем останавливаться на их анализе специально, поскольку, с одной стороны, такие публикации не отражают специфических способов доступа к таким интерфейсам (как правило, он организуется принимающим университетом), а с другой – в силу значительно большей изученности этого аспекта **[см., напр.: 33]**. Мы остановимся на тех кейсах, которые показывают, как использование WeChat обеспечивает построение тех или иных элементов мигрантской инфраструктуры либо доступ к ним.

Кейс 1. WeChat как магазин "шаговой доступности": служба доставки. Одной из проблем адаптации для китайских студентов становится отсутствие привычных продуктов питания и кухни. Несмотря на наличие в сибирских и дальневосточных городах довольно большого числа кафе и ресторанов китайской кухни **[11]**, полностью решить эту проблему за счёт общественного питания затруднительно. С одной стороны, это достаточно дорого, а с другой – график их работы просто не предполагает возможности регулярно в них питаться.

Отчасти, ответом на эту ситуацию стал быстрый рост в Иркутске числа торговых площадок (сначала на "китайских" рынках, позже в формате магазинов и ларьков), где можно приобрести китайские продукты. Даже в региональной сети супермаркетов появился стенд с товарами из Китая – лапша быстрого приготовления, соусы и снеки. Однако столь специфичных магазинов шаговой доступности, обеспечивающий повседневные потребности приезжих из Китая, практически нет. Выходом стала служба (возможно – несколько) доставки, организованная через WeChat.

Если подъехать в вечернее время к общежитию университета, в котором проживают студенты из КНР, то можно наблюдать интересную мизансцену. Несколько раз в неделю вечером к общежитию подъезжает машина с водителем-китайцем. Через несколько минут к машине выходит вереница китайских студентов – кто в пижаме и шлепках, кто в верхней одежде, накинутой наспех на футболку и штаны. Студенты выстраиваются в очередь к водителю и забирают у него большие пакеты с продуктами. В пакетах разные продукты – большие емкости масла, пачки лапши или риса, снеки и т. д. Хорошо заметно, что продукты заранее расфасованы, пакеты подписаны, чтобы сэкономить время при передаче "из рук в руки".

Как правило, заказчиков несколько и водитель дожидается опаздывающих, что позволяет с достаточной уверенностью предполагать наличие предварительных заказов и оплаты. Поскольку расчётов наличными деньгами при этом не происходит, то можем предположить, что расчёты осуществляется вместе с заказом с помощью приложения WeChat Pay. Никакой сдачи, кас-

совых чеков и прочей атрибутики точек продаж, как и самой торговой точки. Собственно, торговой площадкой оказывается сам мессенджер, выполняющий функции торговой точки "шаговой доступности", во множестве существовавших когда-то на "шанхайках", "китайках" **[10]** и в иных местах концентрации мигрантов, однако без её создания в городском пространстве. Важнейший элемент мигрантской инфраструктуры, традиционно прочно укоренный в физическом пространстве города, создается *ad hoc* и столь же стремительно исчезает. При этом использование WeChat гарантирует как формирование клиентской базы, так и добросовестность клиентов – никаких иных форм оплаты просто не предусматривается.

Кейс 2. WeChat как "торговля на дому". Альтернативой такой "службе доставки", которая всё же не может обеспечить круглосуточное выполнение заказов, стало неожиданное для администрации вуза, но, вероятно, закономерное в этой ситуации появление торговой точки прямо в общежитии. При случайной проверке исправности электропроводки и пожарной сигнализации в комнатах, обнаружилось, что одна из комнат, в которой должны проживать иностранные студенты из Китая, больше похожа на небольшой магазинчик. Вдоль одной из стен были размещены высокие стеллажи с коробками и товарами, включая всё самое необходимое, чтобы быстро перекусить или приготовить полноценный ужин – от лапши быстрого приготовления и легких снеков до упаковок риса, специй и соусов.

Оказалось, что студенты, проживающие в комнате, решили не просто использовать помещение для проживания (в комнате осталась одна кровать), но и для ведения бизнеса. В общежитии преимущественно проживают китайские студенты, и, соответственно, спрос на "китайские" товары первой необходимости достаточно высокий. Ни кассовых аппаратов, ни наличных средств при осмотре комнаты обнаружено не было. Это даёт основания полагать, что оплата за товар, как и его реклама, осуществлялась через WeChat.

В отличии от первого кейса, здесь WeChat выполняет не столько конструирующую роль, сколько функцию "тени" для экстралегальной экономической практики. Обеспечивая "невидимость" рекламы и финансовых расчётов, использование мессенджера позволяло этому студенческому "стартапу" оставаться успешным "магазином для своих". Обеспечивая функцию фильтра (не включённый в круг контактов продавца человек просто не мог узнать о существовании "бизнеса") и неконтролируемых расчётов (транзакции через WeChat Pay, фактически, происходят за пределами России), мессенджер обеспечивал режим, близкий к условиям работы торговых точек для работников китайских рынков, которые могли быть обнаружены только в результате внезапных рейдов правоохранительных структур.

Кейс 3. Этническая кухня "по запросу". Следующий кейс стал известен не через наблюдение в мессенджере, но роль WeChat для построения следующей бизнес-практики также остаётся ключевой. В международную службу университета поступила жалоба на иностранного студента от одного из преподавателей, курирующего одну из групп подготовительного факультета. Студент приехал на обучение на подготовительный факультет университета, чтобы изучать русский язык и готовиться к поступлению в бакалавриат. В жалобе преподавателя указывалось: *"довожу до Вашего сведения, что студент <…> открыл свой бизнес по приготовлению и доставке китайских блюд среди студентов, которые проживают в этом же общежитии. Приготовлением еды для доставки он занимается непосредственно на кухне общего пользования в указанном общежитии регулярно с 11 часов дня до позднего вечера, а иногда и по ночам"*. Из жалобы становится очевидно, что такой бизнес оказался востребованным среди китайских студентов, либо не умеющих готовить, либо имеющих достаточные средства для покупки уже готовой еды. Очень быстро появился спрос на готовые китайские блюда, что *"мешает студенту исправно посещать занятия по русскому языку в университете. Пары он пропускает, потому что постоянно готовит еду"*.

При разбирательстве выяснилось, что студент, обладающий неплохими навыками в приготовлении пищи, очень быстро стал получать заказы через WeChat, сформировался даже некий набор наиболее заказываемых блюд. Формально же не существовало ни самого бизнеса, ни обязательной для такой деятельности вещественной инфраструктуры – кухня общежития оставалась

лишь элементом обеспечения жизни студентов. В отличие от разветвлённой системы общественного питания, существовавшей вокруг "китайских" рынков, и воспринимавшейся городской властью и сообществами как серьезная проблема и даже угроза, вещественные объекты и "площади" общежития частью мигрантского бизнеса становились лишь при наличии заказов и системы оплаты через WeChat. Иными словами, как и в кейсе 1, мигрантская инфраструктура здесь возникала *ad hoc*, не существуя как отдельный элемент городского пространства, жёстко связанный с той или иной его локальностью.

Кейс 4. Банковское обслуживание или "сдача будет". Как уже отмечалось выше, важной отличительной чертой WeChat является наличие платёжных инструментов, обеспечивающих не только электронную торговлю, но и прямые расчёты между физическими лицами. В ситуации, когда расплатиться можно при помощи платёжной системы, которая всегда под руками, наличные деньги, а особенно разменные купюры небольшого достоинства представляются чем-то устаревшим.

Для поездки группы российских студентов в Китай на летнюю школу возникла потребность в разменных деньгах – купюрах по 10, 20, 50 юаней. В иркутских отделениях российских банков, осуществляющих продажу юаней, основной купюрой является 100 юаней, и приобрести купюры более мелкого достоинства практически невозможно. При сборе оплаты со студентов для заказа транспорта обнаружилось, что координатор не может вернуть им сдачу – разменных денег нет, а расчёт в рублях вызвал серьезные затруднения (различия курса покупки и продажи валюты, изменение курса на момент покупки валюты в банке и оплаты транспорта и т. д.). Обращения к китайским студентам, которые бы могли разменять хотя бы часть крупных купюр, также результат не дали.

Один из китайских студентов-магистрантов университета, поживающий в Иркутске и ведущий активную предпринимательскую деятельность, объяснил, что мелких купюр "на руках" нет, но он попросил своего знакомого перед вылетом в Россию зайти в китайский банк и разменять деньги. Спустя несколько дней нужная сумма разменных купюр была доставлена в Иркутск авиарейсом Пекин – Иркутск, а взаиморасчёты между студентом и его партнёром были проведены через WeChat.

На этом кейсе хорошо видна функция мессенджера как инструмента обеспечения экстралегальных финансовых транзакций. В период расцвета "китайских" рынков в 1990-е – 2000-е гг., сложная система нелегальных финансовых операций складывалась именно вокруг "шанхаек". По наблюдениям В. И. Дятлова, в условиях отсутствия доступной системы трансграничных платежей именно "китайские" рынки стали местом деятельности подпольных банков, принимавших рубли и обеспечивавших выдачу юаней в Китае взамен **[8]**. Очевидно, что эти практики являлись высокорисковыми, однако альтернативы им в мигрантской инфраструктуре, фактически, не существовало. Современные расчёты в WeChat, не нарушая прямо финансовое законодательство страны (формальных транзакций на территории России не происходит), обеспечивают трансграничные платежи и заменяют сложные схемы взаиморасчётов владельцев и пользователей мигрантской инфраструктуры. Можно с высокой уверенностью предполагать, что именно WeChat Pay сейчас является базовым финансовым инструментом для мелкого предпринимательства мигрантов из Китая, ориентированного на обслуживание соотечественников.

Кейс 5. Не хлебом единым или "Если чего-то нельзя, то через WeChat можно". Большое место в "моментах" китайских студентов в WeChat занимают сюжеты, связанные с отдыхом и развлечениями. Помимо путешествий, других активных видов отдыха (трекинг, рыбалка) и спортивных игр (например, пейнтбола), открытые публикации пользователей позволяют обнаружить формы досуга, связанные с городскими локальностями, "не существующими" для горожан и власти.

Из зафиксированных в "моментах" фотоизображений становится очевидным наличие в Иркутске действующих казино, работа которых запрещена в России с 2009 г. **[19]**. На снимках отчётливо видны карточные столы и фишки для покера, китайские студенты, участвующие в игре, зоны с алкоголем и прохладительными напитками. Короткие пояснительные надписи к публикуемым фотографиям свидетельствуют о "счастливом отдыхе".

Параллель с иркутской "Шанхайкой", являвшейся практически всю историю своего существования средоточием нелегальных азартных игр **[10]**, кажется вполне очевидной. Однако, на наш взгляд, здесь важнее функции в организации такой формы досуга, которые выполняет WeChat. Важнейшей из них, как нам представляется, является функция фильтра, ограничение доступа к месту проведения досуга. В условиях "китайского" рынка эту функцию выполняли как специальные "работники", так и само сложно организованное пространство, обеспечивавшие как входной контроль, так и безопасность. В новых условиях эту функцию места, как базового элемента этой части мигрантской инфраструктуры, взял на себя мессенджер. Ограниченный круг пользователей, ещё более узкий круг участников закрытых групп выполняет роль своего рода "face control", ограничивая доступ к "казино". Не пройдя этот виртуальный фильтр, получить информацию о месте проведения игры и доступ к нему практически невозможно, как в прошлом невозможным было рядовому горожанину попасть за пределы собственно торгового пространства "шанхайки" и принять участие в азартных играх. Иными словами, цифровое пространство мессенджера здесь взяло на себя функции, выполнявшиеся ранее физическим пространством городской локальности, маркированным как важнейшая часть мигрантской инфраструктуры.

Обсуждение и выводы

Показанные выше кейсы, безусловно, не охватывают весь спектр практик использования WeChat китайскими студентами для создания или доступа к инфраструктуре адаптации мигрантов в Иркутске. Однако они позволяют сделать несколько наблюдений и предложить ряд выводов на этой основе.

Прежде всего, напрашивается параллель мигрантской инфраструктуры, возникающей на базе и/или с использованием WeChat, с существовавшей ранее на основе "этнических" рынков как устойчивых мигрантских локальностей города. Торговля, питание, финансовые операции, досуг – все эти элементы инфраструктуры создавались для китайских мигрантов преимущественно в пространстве "шанхаек" и "китаек". Выявленные нами практики, безусловно, не охватывают весь спектр деятельности по адаптации мигрантов, которую в своё время выполняли "китайские" рынки. Среди "моментов" китайских студентов не встретились публикации, отражающие практики доступа к здравоохранению. Однако, это не означает, что их нет – например, в виде заказа через WeChat специфических средств китайской медицины (косвенные свидетельства о существовании таких практик имеются, однако в силу отсутствия какой-либо фиксации, мы их не приводим). Как бы то ни было, можно с высокой долей уверенности предполагать типологическое сходство мигрантской инфраструктуры, конструируемой как на базе городских локальностей, так и на основе мессенджера.

Следующим наблюдением является представление о том, что во всех описанных кейсах WeChat является ключевым механизмом коммуникации и контейнеризации **[29]**. Важна не просто сама техническая возможность движения информации. Более существенной оказывается функция многоступенчатого фильтра, обеспечивающая в той или иной степени закрытость коммуникационного пространства от внешних участников. На первой (наименее строгой) ступени фильтром выступает "национальный характер" мессенджера и, как следствие, малой распространённостью в принимающих сообществах. Важным элементом на этом уровне является и необходимость "приглашения" от человека, уже имеющего аккаунт в WeChat.

Второй ступенью выступает базовый язык мессенджера – львиная доля пользователей WeChat общается на китайском, что, несмотря на наличие встроенного переводчика, отсекает большую часть иноязычных пользователей – либо заставляя отказываться от использования мессенджера в принципе, либо отделяя от китаеязычных пользователей. Следующим уровнем становится традиционный для социальных сетей инструмент – закрытые группы. И, наконец, доступ к наиболее чувствительным – финансовым – механизмам доступа к мигрантской инфраструктуре ограничивается включённостью во встроенную систему платежей. Для активации функции WeChat Pay необходима платежная карта, выпущенная банком на территории континентального Китая. В результате, многоступенчатая система фильтров WeChat берёт

на себя часть тех функций, которые ранее выполняло сложно организованное физическое пространство мигрантских локальностей.

Такая конструирующая и селективная функции WeChat в отношении мигрантской инфраструктуры позволяет рассматривать его как механизм доступа к городу для китайских образовательных мигрантов, который Д. Тимошкин, развивая идеи П. Штомпки, определил как "неформальный интерфейс доступа к городу" **[16]**. Замещая или дополняя формальные механизмы, WeChat для студентов-китайцев не только снижает издержки "входа" в чужой город, но и открывает с нём места и возможности, недоступные иным способом.

Однако, едва ли не более важна другая сторона медали. Использование WeChat в конструировании мигрантской инфраструктуры приводит к изменению роли *места* как конвенционального пространства взаимодействия Другого с городом. Как мы показали выше, инфраструктура в этом случае создаётся *ad hoc* и не фиксируется в городском пространстве, оставаясь лабильной как в пространственном, так и в темпоральном смысле. Мигрантская инфраструктура оказывается широко распределённой, а точка доступа к ней становится детерриторизированой, находящейся буквально везде, где бы не оказался пользователь WeChat. В результате, под сомнением оказывается сама необходимость конвенции городских сообществ и мигрантов о какой-либо части физического пространства города, как легитимного пространства взаимодействия горожан с Другим и Другого с городом. Как следствие, *место*, как ключевой элемент антропологического взгляда **[3]**, пространственное воплощение культуры и взаимодействия культур **[13]**, неожиданно оказывается далеко не краеугольным камнем мигрантской инфраструктуры, замещаясь неосязаемым, не считываемым горожанами пространством "цифры".

Литература

1. Авдашкин А. А. Мигрантские кластеры в российском городе (на примере Челябинска) // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 76–83.

2. Александров Д., Баранова В., Иванюшина В. Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199.

3. Аппадураи А. Теория в антропологии: центр и периферия. Комментарии, вдохновленные статьей Шерри Б. Ортнер // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3. С. 8–13.

4. Бляхер Л. Е., Устиненко М. А. "Чужие" пространства дальневосточных городов: от маргинальности к "этничности" (на примере города Хабаровска) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 10. В печати.

5. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5 (165). С. 425–449.

6. Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О., Брязгина Д. Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.

7. Григоричев К. В. "Неправильные" китайцы и "захваченный" город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с Другим // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 593–608.

8. Дятлов В. Торговые меньшинства как источник этнополитической напряжённости в российской провинции (на примере Иркутска) // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарина. М.: Наталис, 1999. С. 240–265.

9. Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.

10. Дятлов В. И., Кузнецов Р. Э. "Шанхай" в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 56–71.

11. Дятлова Е. Китайский общепит в Иркутске // Проект Байкал. 2017. Т. 14. № 54. С. 82–85.

12. Лефевр А. Производство пространства. Москва: Strelka Press, 2017. 430 с.

13. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: Этнография пространства и места. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с.

14. Переселенческое общество азиатской России: миграции, пространства, сообщества. рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / отв. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.

15. Сметанин Ф. А., Тимошкин Д. О., Иванов К. А., Брязгина Д. Е. Ищу квартиру, работу, шамана: социальные медиа как механизм структурной адаптации внутренних мигрантов в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 157–166.

16. Тимошкин Д. О. Механизмы интеграции маргинализированных сообществ в постсоветский город: диссертация на соискание учёной степени доктора социологических наук / специальность 5.4.4 "Социальная структура, социальные институты и процессы"; Тихоокеанский государственный университет. Хабаровск, 2023.

17. Тимошкин Д. О. Тема снижения издержек на легализацию в принимающей стране: обсуждение в русскоязычных мигрантских интернет-сообществах // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 56–71.

18. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

19. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 25.12.2018) "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации". URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111150 (дата обращения: 31.07.2024).

20. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 440 с.

21. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

22. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / отв. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2015.

23. Çağlar A., Glick Schiller N. Migrants & City-Making. Dispossession, Displacement, and Urban Regeneration. Durham and London: Duke University Press, 2018.

24. Demintseva E., Kashnitsky D. Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia // International Migration. 2016. Vol. 54. No 5. P. 29–42.

25. Düvell F., C. Preiss C. Migration Infrastructures: How Do People Migrate? // Scholten P. (ed.) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. Springer, 2022. P. 83–98.

26. Elokhina Yu. V. International Students in Siberian Universities: Informal Practices of Status Commodification // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11. No 11. P. 1794–1804.

27. Kashnitsky D., Demintseva E. "Kyrgyz Clinics" In Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness. 2018. Vol. 37. No. 5. P. 401–411.

28. Kim Y. Y. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 336 p.

29. Koreshkova Iu., Ivanov K. Possibility or Barrier? The Influence of Digitalization on the Adaptation of Student-Migrants (The Case of Siberia) // Italian Sociological Review. 2024. No 14 (10S). P. 603–624.

30. Koreshkova Y. Wechat as a Lifestyle: Social Network Tool of the Chinese Migrants in Russia. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11. P. 1816–1823.

31. Li X., Xiao L. Network and International WeChat Agent Purchasing Business // SHS Web of Conferences. 2024. Vol. 181.

32. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retrospective Ethnographic Study // Qualitative Research. 2015. No. 13. P. 71–86.

33. Pchelkina D.S., Timoshkin D.O. Russian-Speaking "Migrant Youtube" as a Focus of Urban and Social Studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No 5. P. 676–687.

34. Preiss C. Digital Migration Infrastructures // Scholten P. (eds) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. IMISCOE Research Series. Springer, 2022. P. 99–109.

35. Ryzhova N., Koreshkova Iu. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // Sun W., Yu H. (ed.) WeChat and the Chinese Diaspora. Digital Transnationalism in the Era of China's Rise. London. Routledge, 2022. P. 38–56.

36. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. 2006. Vol. 38. No 2. P. 207–226.

37. Tinmaz H. User perceptions of WeChat and WeChat pay in China // Global Knowledge, Memory and Communication. 2023. Vol. 72. No. 8/9. P. 797–812.

38. Xiang B., Lindquist J. 'Migration infrastructure' // International Migration Review. 2014. Vol. 48, No. 1. P. 122–148.

39. Zhan X. Review and Improvement of Consumer Rights Protection under the WeChat Business Model // Frontiers in Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 2. No. 5. P. 124–132.

References

1. Avdashkin A. Migrants' Clusters in Russian City (The Case of Chelyabinsk City) // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2022. No 1. P. 76–83. (In Russ.).
2. Alexandrov D., Baranova V., Ivanyushina V. Children and Their Migrant Parents in Cooperation with a Russian School // Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies. 2012. No. 1. P. 176–199. (In Russ.).
3. Appadurai A. Theory in Anthropology: Center and Periphery // Periphery. Journal of the Peripheries Studies. 2024. No 3. P.8–13. (In Russ.).
4. Blyakher L., Ustinenko M. "Other" spaces of Russian Far Eastern cities: from marginality to "ethnicity" (case of Khabarovsk city) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2024. No 10. In Press. (In Russ.).
5. Varshaver E. A., Rocheva A. I., Ivanova N. S. Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas around Markets // Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny. 2021. No 5 (165). P. 425–449. (In Russ.).
6. Grigorichev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O., Bryazgina D. E. Bazaar and the city: people, spaces, images. Irkutsk: Ottisk, 2019. (In Russ.).
7. Grigorichev K. The 'Wrong' Type of Chinese and the 'Captured' City: Contesting of Urban Spaces and Constructing Practices of Interacting with the 'Other' // Zhurnal Issledovanii Sotsial'noi Politiki. 2020. Vol. 18. No 4. P. 593–608. (In Russ.).
8. Dyatlov V. Trading minorities as a source of ethnopolitical tension in the Russian provinces (using Irkutsk as an example) // In voluntary and forced movement. Post-Soviet migrations in Eurasia / Ed. A. R. Vyatkin, N. P. Kosmarskaya, S. A. Panarin. Moscow: Natalis, 1999. P. 240–265. (In Russ.).
9. Dyatlov V. I., Grigorichev K. V. Siberia: the dynamics of urban space ethnicization in the resettlement society // The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies. 2014. Vol. 10. P. 8–19. (In Russ.).
10. Dyatlov V. I., Kuznetsov R. E. "Shanghai" in the center of Irkutsk. Ecology of the Chinese market // Ekonomicheskaya Sotsiologiya. 2004. Vol. 5. No. 4. P. 56–71. (In Russ.).
11. Dyatlova E. Chinese Catering in Irkutsk // Project Baikal. 2017. Vol. 14. No 54. P. 82–85. (In Russ.).
12. Lefebvre A. Production of Space. Moscow: Strelka Press, 2017. 430 p.
13. Low S. Spatializing Culture. The Ethnography of Space and Place. Moscow: Novoe Literaturnoe obozrenie, 2024. 400 p. (In Russ.).
14. Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. Boundaries of the XIX–XX and XX–XXI Centuries / V. I. Dyatlov, K. V. Grigorichev (eds.). Irkutsk: Ottisk, 2013. 624 p. (In Russ.).
15. Smetanin F. A., Timoshkin D. O., Ivanov K. A., Bryazgina D. E. Looking for an Apartment, a Job, a Shaman: Social Media as the Structural Adaptation of the Internal Migrants in Siberia // Tomsk State University Journal of History. 2023. No 83. P. 157–166. (In Russ.).
16. Timoshkin D. O. Mechanisms of integration of marginalized communities in a post-Soviet city: dissertation for the degree of doctor of sociological sciences / specialty 5.4.4 "Social structure, social institutions and processes"; Pacific State University, 2023. (In Russ.).
17. Timoshkin D. O. Reducing Legalization Expenses as a Topic in Russian-Speaking Migrant Online Communities // Sotsiologicheskiy Zhurnal. 2019. Vol. 25. No 4. P. 56–71. (In Russ.).
18. Urry J. Mobility. Moscow: Praxis, 2012. 576 p. (In Russ.).
19. Federal Law of 29.12.2006 No 244-FZ (as amended on 25.12.2018) "On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111150 (accessed 31.07.2024). (In Russ.).
20. Harvey D. Social Justice and the City. Moscow: New Literary Review, 2019. 440 p. (In Russ.).
21. Sztompka P. Sociology of social changes. Moscow: Aspect Press, 1996. 416 p.
22. Ethnic Markets in Russia: Space of Bargaining and Place of Meeting / V. I. Dyatlov, K. V. Grigorichev (eds.). Irkutsk: Publishing House of ISU, 2015. 349 p. (In Russ.).
23. Çağlar A., Glick Schiller N. Migrants & City-Making. Dispossession, Displacement, and Urban Regeneration. Durham and London: Duke University Press, 2018.
24. Demintseva E., Kashnitsky D. Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia // International Migration. 2016. Vol. 54. No 5. P. 29–42.
25. Düvell F., C. Preiss C. Migration Infrastructures: How Do People Migrate? // Scholten P. (ed.) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. Springer, 2022. P. 83–98.
26. Elokhina Yu. V. International Students in Siberian Universities: Informal Practices of Status Commodification // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11. No 11. P. 1794–1804.
27. Kashnitsky D., Demintseva E. "Kyrgyz Clinics" In Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness. 2018. Vol. 37. No. 5. P. 401–411.

28. Kim Y. Y. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 336 p.
29. Koreshkova Iu., Ivanov K. Possibility or Barrier? The Influence of Digitalization on the Adaptation of Student-Migrants (The Case of Siberia) // Italian Sociological Review. 2024. No 14 (10S). P. 603–624.
30. Koreshkova, Y. Wechat as a Lifestyle: Social Network Tool of the Chinese Migrants in Russia. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11. P. 1816–1823.
31. Li X., Xiao L. Network and International WeChat Agent Purchasing Business // SHS Web of Conferences. 2024. Vol. 181.
32. Zhan X. Review and Improvement of Consumer Rights Protection under the WeChat Business Model // Frontiers in Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 2, No. 5. P. 124–132.
33. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retrospective Ethnographic Study // Qualitative Research. 2015. No. 13. P. 71–86.
34. Pchelkina D.S., Timoshkin D.O. Russian-Speaking "Migrant Youtube" as a Focus of Urban and Social Studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol.13, No. 5. P. 676–687.
35. Preiss C. Digital Migration Infrastructures // Scholten P. (eds) Introduction to Migration Studies. An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity. IMISCOE Research Series. Springer, 2022 P. 99–109.
36. Ryzhova N., Koreshkova Iu. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // Sun W., Yu H. (ed.) WeChat and the Chinese Diaspora. Digital Transnationalism in the Era of China's Rise. London. Routledge, 2022. P. 38–56.
37. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. 2006. Vol. 38, No. 2. P. 207–226.
38. Tinmaz H. User perceptions of WeChat and WeChat pay in China // Global Knowledge, Memory and Communication. 2023. Vol. 72. No. 8/9. P. 797–812.
39. Xiang B., Lindquist J. 'Migration infrastructure' // International Migration Review. 2014. Vol. 48, No. 1. P. 122–148.

◆

Информация об авторах

Константин Вадимович Григоричев, д-р социол. наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета; ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра "Иркутский институт химии" СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Юлия Валерьевна Елохина, канд. ист. наук, начальник управления международных связей Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: julflower@yandex.ru

Information about the authors

Konstantin V. Grigorichev, Doctor of Sociology, Vice-Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University; Leading Researcher, Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry", Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Yulia V. Elokhina, Candidate of Historical Sciences, Head of the International Office, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: julflower@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2024 Одобрена после рецензирования 18.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 01.08.2024 Approved 18.08.2024 Accepted 28.08.2024